

ИЗ ЗОЛОТОЙ ПЛЕЯДЫ (ИНТЕРВЬЮ С ПРОФ. Л. С. ТЕРЕНТЬЕВОЙ)

Г. А. Эльчиев, член Союза журналистов России

Людмила Сергеевна Терентьева в сентябре нынешнего года отметила свой юбилей. Она — из числа золотой плеяды прямых учеников выдающихся ученых-офтальмологов академиков Владимира Петровича Филатова и Надежды Александровны Пучковской. В Институте работает с 1950 года. Профессор (1988), доктор медицинских наук (1976), врач-офтальмолог высшей категории, заведующая отделением микрохирургического лечения онкологических заболеваний глаз Института глазных болезней и тканевой терапии им. В. П. Филатова АМН Украины (с 1973 по 2002), руководитель Республиканского офтальмоонкологического Центра (с 1981 г.).

Автор более 300 научных работ, в том числе трех монографий и трех патентов на изобретения, под её руководством успешно защищены три докторские и семь кандидатских диссертаций.

Почетный член Болгарского общества офтальмологов, член Ассоциации офтальмологов Украины, кавалер ордена «Знак Почета», медали «За доблестный труд», почетного знака «Отличник здравоохранения» Людмила Сергеевна не только видный ученый и общественный деятель, но ещё и добрый, скромный, замечательный человек и очаровательная женщина.

Каждый нормальный человек вздрогнет при упоминании слова «онкология» и мысленно просит «Чур, не меня!». Вслед за великим ученым можно сказать: «Широко простерла в человеческий организм свои щупальца онкология, способная поразить любой его орган». Казалось бы, едва ли не самый маленький орган человека, а надо же, и сюда добралась современная Горгона. Злокачественные новообразования органа зрения могут привести к потере зрительных функций, порою к инвалидности, даже к гибели больного в связи с метастазированием опухоли. Вот почему ранняя диагностика и более радикальное лечение опухолей глаза, его придатков и орбиты является актуальной и сложной проблемой.

И полет Юрия Гагарина в космос, и появление в Институте им. академика В. П. Филатова отделения микрохирургического лечения онкологических заболеваний глаз состоялись в 1961 году. Но если полет советского гражданина во Вселенную был первым в мире, то создание подобного отделения было первым в СССР. Хотя всё зависит от точки отсчета, и потому некоторые отдельные задачи указанное отделение решало действительно впервые в мире.

В последние годы во многих странах увеличилось число заболеваний злокачественными опухолями в целом. Всемирная Организация Здравоохранения утверждает, что за последние 25 лет частота злокачественных опухолевых заболеваний увеличилась у мужчин на 40, а у женщин на 25 процентов. Симптоматика, согласитесь, достаточно тревожная.

Отделение офтальмоонкологии и лазерной микрохирургии глаза было создано академиком Н. А. Пучковской. Со дня образования и до 1973 года первым его руководителем была Антонина Ивановна Пахомова, доктор меднаук, профессор. Без нескольких месяцев три десятилетия отделение возглавляла доктор меднаук, профессор Людмила Сергеевна Терентьева, которую в ноябре 2002 года на этом посту сменил доктор меднаук Анатолий Парфентьевич Малецкий.

Вот как раз к Людмиле Сергеевне и привела меня Светлана Ивановна Полякова, познакомить и

© Г. А. Эльчиев, 2012

попросить разрешение взять интервью у известного ученого. В плотности её рабочего графика я убедился лично, когда нас от беседы то и дело отвлекали то телефонные звонки, то другие обстоятельства.

Каждое общение с личностью подобного масштаба обогащает духовно и познавательное. Все, что произносится такими людьми, надо впитывать, особенно молодому поколению, ибо, где же и как же тогда будет соблюдаться та самая преемственность поколений, о которой очень хорошо сказала Людмила Сергеевна Терентьева.

Впрочем, читайте сами.

СЛОВО К МОЛОДЫМ

— Людмила Сергеевна, вы — известный ученый, каковы Ваши пожелания молодёжи, что необходимо ей сделать, чтобы и она могла достигнуть таких успехов?

— Во-первых, отмечу, что в нашем институте в настоящее время много молодых врачей, научных сотрудников. И это хорошо. Обращаясь к молодёжи, хочу сказать следующее. В жизни во всех её проявлениях, в том числе, и в науке существует понятие преемственности времен и поколений. Без прошлого не может быть настоящего и, тем более, будущего. Считаю, что молодёжь должна знать интересную и поучительную историю развития науки в нашем институте. Знать, уважать и помнить имена и дела тех ученых, которые основывали и развивали Филатовскую научную школу, известную и почитаемую в мире науки.

— Во-вторых, молодёжь должна знать главные традиции этой школы и следовать ей, активно развивать науку на основе современных технологий.

— В-третьих, и это главное — молодёжь должна работать так, чтобы почетное звание «филатовец» ещё долго-долго звучало, и было авторитетным в научном мире. В этом, собственно, состоит самая ответственная и почетная, но нелегкая миссия нашей молодёжи.

Но я уверена, что они с этим справятся, в чем и желаю им больших творческих успехов.

ЧЕМ ГОРДИТСЯ ОТДЕЛЕНИЕ СЕГОДНЯ

— В институте среди многих других отделений ваше «Отделение офтальмоонкологии и лазерной микрохирургии» занимает уникальное место. Что можно отнести к успехам, какие проблемы в этой области решают ученые, включая сотрудников Института глазных болезней и тканевой терапии им. академика В. П. Филатова?

— Начну с того, что отделению уже более 50 лет. Оно — единственное на Украине, и является крупным диагностическим, лечебным, научным и организационным центром по наиболее актуальным, сложным проблемам новообразований органа

зрения (глаза, орбиты и придатков). Основная его задача — разработка новых методов диагностики и лечения новообразований органа зрения, главным образом, злокачественных.

— Научный коллектив отделения представляет собой патриотов данной проблемы, данного направления развития науки в нашем институте.

— Сделано за прошедшие полвека много, перечислю основное. В отделении успешно разработаны и внедрены в клиническую практику методы дифференциальной диагностики доброкачественных и злокачественных новообразований органа зрения с помощью современных технологий. Это такие технологии, как радиоизотопные и ультразвуковые исследования, термометрия и компьютерная томография, ядерно-магнитный резонанс и пункционная биопсия, морфометрия и иммунологические методы. Дифференцировать злокачественную опухоль от доброкачественной позволяет комплекс иммуногистохимических исследований. Постановка диагноза — главное в офтальмоонкологии и в онкологии вообще. Это определяет выбор адекватного лечения. У нас активно разрабатывалась и внедрена система органосохраняющего лечения доброкачественных и злокачественных опухолей века, глаза и орбиты: криодеструкция, брахитерапия и фото-лазеркоагуляция и их комбинации, лучевая терапия и иммунокоррекция. Ибо сохранение органа зрения, даже косметически, имеет огромное психологическое, клиническое и социальное значение. Применяем различные виды лазеров для разрушения опухоли, в т.ч. комбинацию лазерного воздействия и брахитерапии, используем радиоактивные аппликаторы с радиоактивными изотопами стронций-90, рутений-106 и др. Подобное комбинированное лечение злокачественных новообразований более успешно, так как дает возможность получать так называемый «сверхсуммарный» эффект. Мы разработали методы лечения псевдоопухолевых заболеваний орбиты, включая образования эндокринного генеза; реконструктивные комплексные методы хирургического лечения при тяжелых травмах глаза и орбиты, при постлучевых осложнениях, при тяжелой патологии слезоотводящих путей.

— Но и нерешенных пока проблем онкологии не перечислить. Задача медицины будущего — диагностика на самых ранних стадиях проявления этой грозной болезни, а ещё лучше — полностью исключить её из нашей жизни.

— Подводя итог вышесказанному, могу ответственно заявить, что офтальмоонкология в настоящее время и у нас в институте, и в России, с которой мы активно сотрудничаем, находится на современном мировом научном уровне. Считаю, что в этом есть большая заслуга коллектива нашего отделения.

— Что подвигло вас выбрать именно офтальмоонкологию?

Рядом с академиком В.П. Филатовым.

— Могу сказать, что система образования в СССР была великолепной. Более качественным было медицинское образование. Я окончила лечебный факультет Одесского мединститута. Выпускник лечебного факультета получал такое широкое медицинское образование, что мог работать психиатром, хирургом, терапевтом — кем угодно. А решение идти в офтальмологию я приняла окончательно ещё на пятом курсе после обзорной лекции Владимира Петровича Филатова. Именно на этой, блестящей по своему содержанию, лекции академик агитировал нас идти в науку, быть патриотами отечественной офтальмологии.

— Я считаю судьбоносным решение академика Филатова и, на основе его предложений, решение правительства СССР, привлечь молодежь в институт для развития и активизации научной работы. Так я пришла в институт в 1950-м году. Работала вначале в ожоговом отделении под руководством Надежды Александровны Пучковской. После защиты в 1958-м кандидатской диссертации, при знакомстве с зарубежной и нашей отечественной научной литературой, у меня появилось огромное, просто всепоглощающее желание заняться онкологией органа зрения. Так случилось, что в 1960-м и в 1961-м годах вместе с доктором Леонидом Андреевичем Линником мы разрабатывали проблемы лазерной терапии, в частности, лазерной терапии онкологических заболеваний.

— А в мире уже существовало нечто подобное, или это был шаг в неизведанное?

— Это был первый шаг в Советском Союзе. Что касается мирового первенства, то в истории науки не было просто совсем одинаковых исследований. Разработка уникальных источников энергии — лазеров — была начата приблизительно в одно время в разных странах. В Советском Союзе, бесспорно, большая роль в этом принадлежит Л. А. Линнику, он явился основоположником лазерной офтальмологии в СССР. Именно в таком качестве имя Леонида Андреевича Линника должно существовать в истории.

— Имя Леонида Андреевича Линника вписано золотыми буквами в историю офтальмологии и мировой медицины. Горжусь, что судьба подарила возможность взять у него интервью.

СЛОВО О МАМЕ

— Когда и откуда проявился у вас интерес к медицине?

— Честно признаюсь, я очень хорошо училась в школе, которую окончила с золотой медалью. В те годы обладатель золотой школьной медали имел право поступать в любой институт без всяких вступительных экзаменов, даже без собеседования. Моя мама очень просила меня стать врачом, это было её самым заветным желанием и мечтой. Я спокойно подала документы в Одесский мединститут, реализовав тем самым, мамино желание. Много лет спустя я поняла, как правильно поступила, выполнив мамину просьбу. Это было **нужно** мне, это **мне** было интересно, я училась в институте очень хорошо, и даже проявила наклонности к научной работе, как видите.

— Расскажите, пожалуйста, о своем детстве, о маме. Как её звали, откуда она родом? Глядя на вас, не буду врать, лукавить, сразу вспоминается высокоинтеллектуальная интеллигентность, аристократичность в лучшем смысле слова. Врожденная осанка, манеры, особая стать, ухоженность. Этот серебристый свитер, вы, скажу словами Максимилиана Волошина, «вся — тона жемчужной акварели»...

— Спасибо за добрые слова. Но ничего врожденного, всё только благодаря воспитанию, которое началось в детстве, и продолжалось многие-многие годы. Наверное, это ещё и потому, что я любила читать. Читала много, думала много о прочитанном. Мне хотелось стать культурным человеком, по моему, это получилось.

— Родилась я в простой семье военнослужащего, мама была домохозяйкой. Отец, Сергей Михайлович, добрый, веселый человек. Участник Великой Отечественной войны, был ранен. Войну закончил в звании полковника.

— Служба отца в гарнизонах различных городов и поселков заставляла маму быть мобильной и легкой на подъем. На частые переезды не роптала, хотя известно, что два переезда тождественны одному пожару. Я в семье была единственным ребенком, поэтому меня очень любили. Слава Богу, эта любовь пошла во благо. Маму мою звали Надежда Яковлевна. Она была приветливым и добрым человеком, любила людей. Замечательная домохозяйка, она содержала дом в идеальном состоянии, несмотря на то, что дом всегда был полон родственников, просто знакомых, так как у нашей семьи было много друзей. Мама создала и поддер-

живала семейный уют и хорошо организованный быт.

— После того, как не стало папы, мама стала оплотом уже моей семьи. И муж, Легеза Григорий Васильевич, и я писали свои кандидатские диссертации, потом докторские, кроме того у нас было двое детей. Представляете, какой громадный объем работы выполняла моя мама, чтобы обеспечить наш тыл? Мы с Григорием Васильевичем полностью отдавались и научной, и лечебной работе, которую очень любили. Мы не смогли бы этого сделать без мамы. Она создала нам такую атмосферу и условия с мужем чтобы мы спокойно и плодотворно занимались наукой и работой.

— **Как это всё знакомо! Мне не довелось знать и видеть вашу маму, но представляю её такой же красивой, статной. Очевидно, у вас это передавалось по женской линии?**

— Я не знала дедушку по маминой линии, он был машинистом паровоза, умер рано. А бабушка, его жена Мария Ильинична, тоже была добрейшим человеком. Она после смерти мужа жила с нами. Поэтому моё детское воспитание было в значительной степени связано с влиянием бабушки, с которой мы очень сдружились. Мне она уделяла огромное внимание. Отвечала на все мои вопросы, рассказывала сказки, читала книги. Мы подолгу говорили на разные темы. И когда бабушка уехала к моей только что родившейся двоюродной сестренке, а мне уже исполнилось десять лет, для меня это стало катастрофой и трагедией. Спустя много лет я осознала объективную необходимость этого шага. Кстати, через несколько лет бабушка вернулась в нашу семью и жила с нами долго.

— Мне кажется, что и характер бабушки, и характер мамы, этих самых дорогих и добрых людей на свете, каким-то образом унаследован и мною. Вы говорили о личных качествах и спрашивали, откуда они у меня. Убеждена, что подобные качества определяются не по происхождению, не по какому-то предварительному статусу, а сугубо воспитательными моментами. Я говорю о доброте, честности, порядочности. Эти личные качества и у бабушки и у мамы были в превосходной степени. Рада, если эти качества вы видите и во мне.

— **Концентрация родительской любви, доброты к детям, особенно в юном возрасте, играет главную роль в формировании потенциала, который потом помогает человеку пройти по всей жизни. Вы тоже так считаете?**

— Да, конечно! На фотоснимках (к 85-летию Людмилы Сергеевны друзья и коллеги подарили с любовью и улыбкой исполненный фотоколлаж, который очень понравился юбиляру — Г. А.) здесь (она показала рукою) есть и папа и мама. Они такие симпатичные, я всегда об этом говорю с любовью и гордостью.

Терентьева Людмила Сергеевна
с мужем Легезой Григорием Васильевичем

О МУЖЕ И НЕ ТОЛЬКО

— **Хочу спросить о супруге. Вы вместе окончили Одесский мединститут, здесь ваши встречи носили, полагаю, чисто эпизодический характер. Оба — в числе счастливиц, попавших на работу в институт к самому В. П. Филатову. Наверняка, ваши отношения получили свое развитие уже здесь, на работе. Институт вас поженил...**

Людмила Сергеевна, с оживлением и улыбкой на лице, перебивает меня:

— Я могу вам рассказать, как это было.

Чувствовалось, что эти воспоминания ей приятны, и она готова говорить об этом очень долго и с радостью.

— Мы с Григорием Васильевичем оказались у Надежды Александровны Пучковской. Она была заведующей отделением, а мы ординаторами. В институте у нас действительно встреч почти не было. Он участник Великой Отечественной войны, пришел поступать в институт на костылях, тогда было много инвалидов. Но на третьем курсе он начал приходить в мою группу. Я хорошо вела конспекты, и он этим решил воспользоваться. Он попросил у меня конспект, обещая быстро вернуть. Я согласилась. Но сама ушла по делам, а бабушку попросила отдать ему. Григорий Васильевич пришел, а вместо меня ему конспект отдала бабушка. Он, конечно, был расстроен.

Людмила Сергеевна рассмеялась, вновь представив себе, наверное, обескураженное лицо Григория Васильевича, явившегося совсем не за конспектом.

— У меня и мыслей не было о встречах или свиданиях. Главное моё дело — учеба. Много лет спустя, когда мы уже были вместе, он признался, что сам хорошо писал конспекты. А просил их он у меня для предлога. Ему были нужны встречи со мною.

— **Вы у меня с языка вопрос сорвали!**

— Мы много работали и по-настоящему уже познакомились в ходе совместной работы. В то

Сотрудники 6 отделения с Надеждой Александровной Пучковской. Терентьева Людмила Сергеевна — в первом ряду вторая слева, первый слева — Легеза Григорий Васильевич.

время Надежда Александровна заканчивала свою докторскую диссертацию. У неё было много оперативных методик операций при ожогах глаз, которые апробировались и входили в диссертационную работу. У нас в те дни было столько операций, что, буквально, войдя в операционную в девять утра, выходили из неё в шесть вечера. Такая «каторжная» работа нас сблизила. «Подлила масла» в огонь разгорающейся взаимной симпатии и совместная работа в научной библиотеке института.

— Григорий Васильевич был замечательный человек, мы с ним прожили большую счастливую жизнь. Жизнь, как говорят, у нас сложилась трудовая и честная, как добрая песня.

— У меня остался сын, который тоже работает офтальмологом. Вторые роды подарили нам с мужем близнецов, но один из них умер на третьей неделе жизни. К великому нашему сожалению и второго из близнецов настигла неоправданно ранняя трагическая смерть уже после окончания им медицинского института.

Голос Людмилы Сергеевны погрузил.

Я поспешил увести свою собеседницу от грустных воспоминаний.

— **Вы сказали, что муж в институте был на костылях. А когда он с ними расстался?**

— Где-то на втором, в начале третьего курса. Он перешел на палочку, потом отказался и от неё. Он ведь воевал артиллеристом, ему очень нравилась военная служба. Окончив Киевское военное училище, попал в Львовскую область, где его и застала война. Он получил звание подполковника, когда ему не было 24 лет.

— Вспоминал фронтовые эпизоды. Например, когда он, офицер-артиллерист, лично повел в атаку пехотинцев на штурм высоты, которую надо было обязательно взять. Высоту взяли, но на гребне он поймал «свою» мину. Это было уже третье его ранение. Истекающего кровью, его быстро отправили в санчасть, потом в медсанбат. Началась

его девятимесячная эпопея лечения в госпиталях. Стоял даже вопрос об ампутации ноги, настолько было серьезным ранение. Но в госпитале на Урале ему попался врач, который сказал: «Буду лечить! Танцевать не будешь, но прыгать сможешь, а ходить и подавно!».

— Знаете, этот факт убеждает в важности того, чтобы у каждого из нас был вот такой внимательный, гуманный, добрый, милосердный доктор.

— Из множества своих боевых наград Григорий Васильевич особо дорожил простой, но геройской медалью «За отвагу». Вручили ему её в тяжелейших боях под Харьковом, когда он умудрился пулеметной очередью сбить фашистский самолет.

— **Вот молодец! Не частый случай, скажу я вам.**

— Его, конечно, все приветствовали, такое торжественное событие было. К сожалению, он слишком рано ушел. Лично я это ощущаю очень остро. Трудно быть... Без него мне трудно.

В кабинете на мгновение повисла тишина. Увидев, что Людмила Сергеевна справилась с внезапно нахлынувшим волнением, я, меняя тему разговора, спросил:

— **Вам повезло встречаться с замечательным человеком, выдающимся академиком Владимиром Петровичем Филатовым. По его личной инициативе в институт в 1950-м году влился отряд талантливой молодежи. Вы говорили, что из группы в девять человек пятеро стали докторами и профессорами. Это Кашинцева Людмила Терентьевна, Ключева Екатерина Ивановна, Легеза Григорий Васильевич, вы — Терентьева Людмила Сергеевна и Черкасов Иван Степанович. К великому сожалению, в ряду действующих ученых остались лишь вы с Людмилой Терентьевной. Вы — золотая плеяда прямых учеников выдающегося академика, среди которых по праву занимает видное место. Расскажите, каким вам запомнился Владимир Петрович.**

О СВОЁМ УЧИТЕЛЕ

— Я говорила, что на обзорной лекции перед пятикурсниками выступал сам Владимир Петрович. Скажу, что я впервые увидела академика, и он произвел на меня неизгладимое впечатление. Красивая речь, краткие, но ёмкие фразы. Очень удивил своим мировоззрением, диалектическим материализмом. Это мне импонировало, так как в свое время я увлекалась философией и именно диалектикой. Мы слышали всякие разговоры о религиозности академика. Поэтому от Владимира Петровича материалистические понятия о жизни мне услышать было очень приятно. Думаю, это приятно удивило всех собравшихся. Главная тема выступления касалась любви к отечественной офтальмологии. Он призвал нас быть патриотами и гордиться этим.

— **Насколько это современно звучит!**

— Академик отметил, что орган зрения человека самый замечательный из органов чувств. Глаз позволяет видеть окружающий мир во всём многообразии форм и красок. Логичен вывод, который он сделал из этого: «Самая красивая специальность в медицине — это офтальмология. Именно потому, что орган зрения такой замечательный, такой красивый и такой необходимый для человека». Согласитесь, сама мысль красива!

— Вторая моя встреча с академиком состоялась уже в конференц-зале нашего института на 3-м этаже, куда он пригласил 20–25 студентов пятого курса, рекомендованных к научной работе. Владимир Петрович был красивым человеком с аккуратной бородкой. Вновь яркая речь академика, в которой он нам объяснял, что офтальмология — это прекрасная наука и ею нужно заниматься молодежи. Напомнил нам слова Карла Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам».

— Но задача академика была сагитировать нас в науку, в эту профессию. Он добавил, что путь тернистый, но очень интересный. И вновь поразил нас своим выводом, сказав, что в мире нет ничего красивее науки и правды! Можете себе представить? Науки и правды! Не правды в науке вообще, а именно так: **науки и правды**.

— Его выступление, а говорил он более часа, достигло своей цели. Несколько человек сразу решили заниматься офтальмологией, и я в их числе. Вскоре, после сдачи госэкзаменов, нас, изъявивших желание работать в институте, пригласили на заседание правительственной комиссии для приема на работу. Председателем комиссии был министр здравоохранения, заместителем — академик Филатов. В институт приняли 11 человек, из которых двое через некоторое время отсыпались. Нас осталось 9 человек, которые в 1950 году стали клиническими ординаторами. Обратите внимание, пятеро из них стали докторами наук, профессорами, вы их уже назвали, а трое — кандидатами. Какая точность отбора!

— Нашу группу Владимир Петрович сразу взял под свою опеку и уделял нам большое внимание. Он приглашал нас на все свои консультации амбулаторных больных, на все операции. Причем, каждая консультация и каждая операция — это маленький шедевр педагогического процесса. Всё это познавательно, наглядно. Например, если врач поликлиники показывал своего больного, то он должен был знать о нём буквально всё: фамилию, имя, отчество, возраст, социальное положение пациента, где и кем работает, историю заболевания и проявления этого заболевания и многое другое. Иногда, Владимир Петрович, не прерывая докладывающего

Поздравление с юбилеем от директора Института им. В. П. Филатова член-корреспондента НАМН Украины Пасечниковой Натальи Владимировны

врача, спрашивал: «А что пишут по этому поводу мудрецы?». Вот тут бедный врач должен был лихо-радожно вспомнить, что же он знает об этом заболевании из иностранной или отечественной литературы. И если вдруг выяснялось, что он не знает этого, недовольство Владимира Петровича было обеспечено. Тогда академик сам развивал картину заболевания. Зная языки, он был эрудированным, нам казалось, во всех вопросах. Он в совершенстве знал развивающуюся науку офтальмологию, основные события, происходившие в этой науке, и щедро делился с нами своими богатейшими знаниями. Особенно часто он делал это на заседаниях Ученого совета.

— Владимир Петрович заботился о нашем профессиональном росте. Буквально через два месяца он предложил нашей группе 14 тем для кандидатских диссертаций, чтобы каждый выбрал себе тему, что мы все и сделали. Мы много занимались в великолепной научной библиотеке института, выписывавшей все иностранные журналы наиболее известных фирм и издательств и старались чаще общаться с больными.

— Отношение к больному у Владимира Петровича было особенным — он всегда умел разговаривать больного, проявляя недюжинное внимание и искреннее желание ему помочь. Он часто повторял: «Больной — его величество! И мы должны всё сделать для него, особенно помочь тяжело больному. Потому что ему не поможет никто, если не поможем мы». Подобное отношение к больному оказалось действительно самым важным заветом академика. Выполняя его, наш институт всегда отличался актуальностью решаемых проблем, их трудностью и сложностью. Это было наше кредо, разрабатывать самые тяжелые вопросы, помогать самому тяжело больному.

— **В этом отношении, наверняка, прикладное значение тех проблем, которые решает теоретическая медицина, имеет главенствующее значение?**

Профессор Терентьева Людмила Сергеевна

— Конечно! Потому что каждая тема должна иметь и имела как научное звучание, так и практическое. Характерным для Владимира Петровича при консультации больных было то, что он всегда задавал докладывающему врачу вопрос о сроках наблюдения положительного результата. Потому что «скороспелый» результат — это не результат, по его мнению. Главное — срок наблюдения. И если при большом сроке наблюдения остается хороший результат, значит, цель достигнута.

— Вот таким остался в моей памяти великий ученый, выдающийся человек, мой самый главный учитель — Владимир Петрович Филатов.

О СОРАТНИКАХ И ДРУЗЬЯХ

— Любое большое дело легче делать со своими единомышленниками, коллегами, соратниками, друзьями. Что можете сказать о сотрудниках отделения?

— Отвечу одной фразой — мне повезло с коллективом отделения. Потому что здесь у нас собрались высококвалифицированные специалисты, интеллигентные люди, которые создают атмосферу доброжелательности, взаимоуважения. Главное, что сделали заведующие нашим отделением, — это создали коллектив офтальмоонкологии. Именно офтальмоонкологии! Это очень трудное направление в офтальмологии. Здесь действительно решаются судьбы людей. Врачи и медсестры отделения добрые, гуманные, любят свою работу, хотят, чтобы лечение и вопросы диагностики были обеспечены. Чтобы благополучие людей было более реальным.

— Скажу, что за многие годы, а я возглавляла отделение почти 30 лет, случайные люди отсеялись. Остался стабильный коллектив, патриоты дела. Научный потенциал отделения самый высокий и замечательный в институте. Согласитесь, четыре доктора медицинских наук в одном отделении — это впечатляет. Хочу назвать их персонально. Это — Буйко Александр Сергеевич, профессор, работает в отделении 42 года. Малецкий Анатолий Парфентьевич, нынешний завотделением с 2002 года, в ин-

ституте работает 33 года. Полякова Светлана Ивановна, работает 32 года. Кстати, она моя бывшая ученица, я была у нее руководителем кандидатской диссертации. Сафроненкова Ирина Алексеевна заканчивает работу над докторской диссертацией, работает в институте 34 года. Я сама, вы знаете, работаю в институте 62 года.

— Нет никакой возможности назвать врачей и научных сотрудников, которые работают по 20–25 лет. Есть молодежь, у которой стаж работы исчисляется от года до пяти лет.

— Многие из врачей, которые у нас стажировались или из других отделений присутствуют на консультациях, неизменно говорят, какой у нас замечательный коллектив, замечательная атмосфера доброты, взаимного уважения.

— Кого назовете из медицинских сестер?

— В первую очередь, Токатлы Фаину Ивановну, работает в отделении 34 года, из них почти тридцать — старшей медсестрой. Я заслуженно считала её своей правой рукой в практическом руководстве отделением, это работа с больными, по обслуживанию больных. Она знающий медицинский работник. Её внимательное отношение к каждому — залог того, что вопрос будет решен справедливо и к обоюдному согласию. И медсестры у нас также работают по многу лет. Например, Тулупова Татьяна Матвеевна, у нас более 23 лет, а в институте — более 30 лет. Или Кусакина Ольга Валентиновна, стаж работы более 12 лет. Особо подчеркну, что большинство медсестер имеют высокую квалификацию и стаж работы в отделении более десяти лет. Практически в отделении отсутствует текучесть кадров.

— Кстати, это один из главных показателей стабильности и успешности работы любого коллектива.

— В конечном счете, завершая характеристику работы коллектива, скажу, что мы — одна семья. Многие дружат семьями, мы уважительно относимся друг к другу, внимательны, добры. Работать в нашем коллективе — большая честь и, честно скажу, радость.

Любовь — движущая сила

— Когда коллеги попросили меня принести фотографии для фотоколлажа, — Людмила Сергеевна вновь показала на большой лист ватмана, — я собрала всё, что могла.

— Совершенно случайно, в бумагах Григория Васильевича, которые я никогда не трогала, обнаружила много фотографий, имеющих, так сказать, историческое значение. Они были выстроены в определенном хронологическом порядке, думаю, не случайно. Наверное, Григорий Васильевич что-то планировал делать, может быть, писать или другие причины побудили его собрать в блок эти фотографии. Дело в другом.

— Увидев одну из своих фотографий, я долго смеялась. Причина моего веселья крылась в том, что она была самым беспардонным образом снята с

институтской Доски Почета 1952 года. В вестибюле института долгое время была Доска Почета. Кстати, рядом был стенд «Они сражались за Родину» с фотографиями фронтовиков, в том числе и его фотография тоже была. На все стенды и Доску Почета цветные фотографии делал великолепный мастер своего дела Шаер Евгений Георгиевич, замечательный фотограф.

— Надо признать, что мою фотографию он сделал очень удачно. Вся моя юность видна там. Открытый взгляд, красивый поворот головы. На обратной стороне видны следы от клея, надо же было умудриться, так чисто отклеить фотографию! И слова, написанные рукою Григория Васильевича: «Такой ты мне понравилась вначале, и будешь нравиться всегда!».

— Вот молодец! Сорвал-таки фотографию с Доски Почета, не испугался последствий. Вот что

делает любовь! В таких поступках раскрывается человек.

— Да, мы любили друг друга. — Людмила Сергеевна посмотрела на меня глазами человека, имевшего счастье встретить свою большую настоящую любовь, которая всегда творит чудеса. Только небольшая грустинка затаилась где-то на доньшке взгляда. Непередаваемая аура образовавшегося в личной жизни женского одиночества была только частью её объяснения. Следующие слова моей собеседницы объяснили причину возникшей грусти. — Вы знаете, куда-то запропастилась эта фотография, никак не могу её найти.

— **Обязательно найдется! Такие фотографии не пропадают,** — уверенно сказал я Людмиле Сергеевне. — **Спасибо за интервью. Вам и вашему коллективу искренне желаю самых добрых успехов в работе и научных достижений.**

МЛАДШАЯ ИЗ ЧЕТЫРЕХ (ИНТЕРВЬЮ С М. И. ФРИНКРИЦ)

Г. А. Эльчиев, член Союза журналистов России

Очередь в кабинет разошлась, мне никто не мешает беседовать с Мариной Ивановной Фринкриц, старшим лаборантом лаборатории функциональных методов исследования Института глазных болезней и тканевой терапии им. академика В. П. Филатова АМН Украины.

Внимательно вглядываюсь в свою собеседницу. Спокойная уверенная стать, выше среднего роста. Сложена ладно, крепко, словно природа заранее озаботилась о необходимом жизненном резерве, которым она привычно одаривает женщин. Какая-то своеобразная неброская красота лица заставляла меня смотреть в глаза Марины Ивановны Фринкриц, не отрываясь. Так заморожено нас очаровывает пейзаж средней полосы России, в раздолье

которого словно спрессовано пространство и величие узнаваемых деталей. Улыбка доброжелательная, открытая, взгляд добрый. Никакой суеты, торопливости. Разговаривает уважительно, обстоятельно. Обязательно удостоверится, понял ли пациент или больной то, что она сказала. При беседе с нею не исчезает ощущение комфортности общения с хорошим человеком.

Родилась в обычной трудовой семье. Ивану Семеновичу Позднякову, радисту, участнику штурма Берлина, инвалиду Великой Отечественной войны с женою повезло. Лидия Михайловна регулярно дарит своему любимому только дочек. Первой была Светлана, потом — Екатерина, затем Ирина. Но тождество знаменитых чеховских трех сестер нарушила Марина, родившаяся в 1954 году. По праву младшенькой она изначально была любимицей всей семьи. С детства любила, играя в куклы, делать им уколы и лечить их. Никто не может сказать, откуда и от кого у неё вдруг проснулся интерес к медицине. Потенциал большой любви в детские годы окрыляет человека и помогает уверенно и успешно выстраивать свою жизнь. Марина окончила 42-ю одесскую школу. Любимые предметы — биология, химия. Честно говоря, никаких трудных размышлений о выборе будущей профессии не было — только медицина. Без особых проблем поступила, и в 1975-м окончила медицинское училище. И вот здесь ей действительно повезло: её взяли на работу в знаме-

© Г. А. Эльчиев, 2012